

ОБ ИСТОКАХ И ВИДАХ ТОТАЛИТАРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация

Статья посвящена исследованию исторических и идеологических предпосылок тоталитарного политического режима. Обосновывается различная природа германского нацизма и советского сталинизма как исторических форм тоталитарного режима. Рассматривается вопрос о существовании систем скрытого тоталитаризма, функционирующих на основе характерного для общества постмодерна механизма манипуляции сознанием и поведением масс.

Ключевые слова: политический режим, государство, тоталитаризм, манипуляция сознанием, идеология, этатизация.

Автор

Насыров Рафаил Валейзянович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
Алтайского государственного университета
(Барнаул, Россия)

Актуальность вопроса, отраженного в названии данной статьи, объясняется тем, что есть угроза не только уже пережитого Россией коммунистического тоталитаризма, но и более изощренного и не менее опасного для страны тоталитаризма «бархатного» в виде социальной системы, основанной на скрытом механизме манипуляции сознанием и поведением человека. В России этот тип социально-политического режима не может принять вид «цветущих» западных демократий и их общества массового потребления, а неизбежно обернется для страны губительной формой, по выражению А. Зиновьева, «колониальной демократии» [14. — С. 513]. Заметно, что обсуждение вопроса о «мягком» тоталитаризме выявляет значительную распространенность среди образованных людей установок интеллектуального и духовного конформизма, которого в такой степени не было даже в советский период. Современный этап эволюции интеллигенции

(или ее исчезновения) характеризуется сменой смысла и интонаций вопроса: если раньше — «Что делать?», то теперь — «А делать-то что?». Ж. Бодрийяр пишет о том, что мысль гуманитария не должна заниматься «исключительно абстрактной спекуляцией и манипулированием философскими идеями прошлого», а призвана «оставаться гуманистической, внимательной к человеку и, следовательно, вскрывать реверсивность добра и зла, гуманного и негуманного» [7. — С. 59].

Начиная обсуждение вопроса о сущности и типологии тоталитарных политических режимов, стоит указать на скорее идеологизированный, а не научный характер противопоставления Запада и Востока по шкале персоноцентризма и уважения прав человека, так как в таких сравнениях не учитывается многообразие форм, направлений и горизонтов самовыражения личности. А. Сен оспаривает ложный стереотип об «обезличенности» восточной культуры; по его мнению, в конфуцианстве

нет слепой преданности государству, более того, допускается сопротивление дурному правителю и проповедуется, в первую очередь, преданность семье, а не государю [19. — С. 259–260]. Стоит лишь прочитать «Лунь Юй» или «Дао де Дцзин», чтобы убедиться в персоноцентризме восточной традиции. Этот персоноцентризм имеет иные интенции и формы выражения по сравнению с западной культурой. Необходимо различать внешнюю и внутреннюю свободу, и, соответственно, экстравертно и интровертно ориентированные культуры и цивилизации. К. Юнг пишет: «Западный человек, похоже, в большей степени экстравертирован, восточный же, наоборот, — скорее интроверт. Первый видит смысл вне себя, проецируя его на объекты, второй ощущает его в себе самом. Но смысл существует как извне, так и внутри нас» [27. — С. 129]. Е.А. Торчинов в своих работах показал, что восточные религии и мировоззренческие системы персоноцентричны и основаны на чистом внутреннем опыте, тогда как авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам) носят, условно говоря, «коллективистский» характер и для них «характерна высокая степень догматизации учения и социализованности (институционализации)» [21. — С. 45]. Разумеется, во всех цивилизациях религиозный фактор был причиной социальных конфликтов, но непредвзятый историк признает, что шкала веротерпимости и религиозно-мировоззренческого плюрализма на Востоке была значительно выше, чем на Западе.

Именно западный (античный и новоевропейский) вариант развития характеризуется стремлением к поглощению индивида социально-экономическими и политическими структурами. Принципиальная возможность тоталитаризма с полным поглощением индивида государством была обоснована в утопиях именно западных мыслителей. В целом в истории восточной политико-право-

вой мысли в принципе невозможно было появление таких проектов, как «Утопия» Т. Мора или «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Именно поэтому попытки реализовать этот «чужеродный» вариант общественного устройства, например, в России и Китае предполагали огромные жертвы. Тогда как «родственность» этой концепции Западу и предоставляет ему возможность реализовать более мягкий («бархатный») вариант тоталитаризма, что явно видно в современных западных демократиях, фундаментом которых выступает мощное и эффективное полицейское государство.

В целом современное состояние политической жизни показывает, что тоталитарный режим может быть основан не только на началах коллективизма и открытого политического насилия, но и на принципе индивидуализма. Тоталитарный характер носит идеологизированное мышление вообще, в основе которого конструктивно-проективное и рационально-утилитарное отношение к обществу и человеку. Но в научном и политическом дискурсе до сих пор термины «идея» и «идеология» употребляются как синонимы. Хотя исторический опыт России должен сформировать недоверие к идеологии вообще, к идеологии как форме общественного сознания и соответствующей практики. Идеологизация — это всегда симуляция идеи, когда живой и естественный процесс заменяется его имитацией, предпринимается попытка, образно говоря, отождествить квадрат с кругом на том основании, что он вписан в круг. Г. Марсель, рассуждая об отличии мыслителя от идеолога, указывает, что мыслитель «постоянно находится в процессе творчества; все его мысли всегда и ежеминутно поглощены проблемой». Тогда как идеолог воспринимает идеи как нечто ему принадлежащее в качестве объекта и собственности, что, по мнению философа, является основой фанатизма [15. — С. 145]. Но в настоящее

время особенно ярко проявляется тот факт, что носителем тоталитарной идеологии могут быть не только искренние фанатики, но и циничные технократы, рассматривающие общество и человека лишь как объекты их конструирования и манипуляции.

Исследование вопроса об истоках и типах тоталитарной идеологии обнаруживает ее связь с деформированным, как бы «вывернутым наизнанку» религиозным мышлением. Такая постановка вопроса в одинаковой степени уместна в отношении идеологий коммунизма и либерализма, хотя речь идет о сложной и многоступенчатой взаимосвязи. Б. Рассел рассуждал об аналогиях, связывающих христианство и марксизм и, пытаясь определить неосознаваемую самим К. Марксом основную интенцию его учения, пришел к выводу: «Маркс провозгласил себя атеистом, но придерживался космического оптимизма, который может быть оправдан только теистически» [18. — С. 940]. В своих работах М. Вебер показал, что в формировании «духа капитализма» наряду с объективными факторами большую роль сыграли религиозные (протестантские) мотивы [14]. Эта «родословная» капитализма уже не проявляется в прямом влиянии христианской веры на бизнес, но в отношении к прибыли как самоцели, определяющей смысл жизни предпринимателя, есть деформированное чувство религиозного самопожертвования; по этому поводу П. Брюкнер заметил, что «светский антагонизм успеха и неудачи подобен христианскому антагонизму спасения и гибели» [8. — С. 81]. Наконец, Н. Бердяев, говоря об ушедшей в глубокое «подполье» религиозности русских революционеров, писал: «Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры» [5. — С. 8]. Одной из причин этой уродливой ме-

таморфозы сознания стала беспочвенность мировоззрения значительной части русской интеллигенции; но «свято место пусто не бывает», и эта пустота заполнилась взятыми извне теориями и идеологемами.

Становится очевидной ограниченность типологии политических режимов, в которых такое явление, как тоталитаризм, отождествляется лишь с немецким нацизмом и советским сталинизмом. В связи с этим укажем на идеологизированный, а не научный характер утверждений об одинаковой природе этих двух политических режимов. Объективное их исследование и справедливая оценка предполагают использование не только функционального подхода, но и телеологического, то есть совпадение внешних признаков гитлеризма и сталинизма еще не означает, что эти политические режимы имели одинаковую цель. Германский нацизм можно определить как тоталитаризм реванша, как форму мобилизации страны для завоевания необходимого для государства-метрополии пространства внешней экспансии. По итогам Первой мировой войны Германия по отношению к Великобритании и Франции стала страной «догоняющего типа» в аспекте ограничений в военной сфере и наличия колониальных владений. Но при этом не было угрозы утраты государственного суверенитета Германии. Тогда как после революции 1917 г. и Гражданской войны реально стоял вопрос о геополитической самостоятельности России и ее сохранении как государства. Трагедия была в том, что, по словам Н. Бердяева, «советская власть оказалась единственно возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев» [4. — С. 42]. Сталинизм со всеми его ужасными проявлениями оказался

тоталитаризмом выживания государства-державы.

В целом русский большевизм как идеология и стиль политического поведения сформировался внутри возникшей в Западной Европе в эпоху Нового времени тенденции этатизации (огосударствления) общественной жизни. Истоки тоталитаризма в целом и различных его модификаций содержатся в твердившемся в Новое время понимании государства как *stato* — как субъекта власти, определяющего само состояние общественной жизни. Эту задачу постановки носителями государственной власти себя в центр социального бытия можно решить, во-первых, обеспеченным в Новое время правом выступать от имени некоего абстрактного «суперсубъекта» (государства вообще), и, во-вторых, возложением на этого субъекта власти обязанности обеспечивать и реализовывать общее благо, высшую ценность и т.д. Французский социолог П. Бурдьё показывает, что широкое присутствие государства и гомогенизация общественной жизни достигаются через «монополию на официальную номинацию, на «правильную» классификацию, на «правильный» порядок» [9. — С. 76–77]. Об этом же пишет М. Фуко: «Этот аппарат должен быть сопряженным со всем телом общества, и не только в крайних пределах, которые он соединяет, но и в мельчайших деталях, ответственность за которые он на себя берет» [23. — С. 313].

Эти суждения могут вызвать недоумение — «А разве может быть иначе?» Современный человек уже не представляет себе общественную жизнь без этого широкого присутствия в той или иной форме государства в общественной жизни. Утрачено традиционное представление о том, что государство призвано реализовывать не столько регулятивную, сколько охранительную функцию. У А.С. Пушкина можно встретить непривычное для современного

уха выражение — «Князь Гвидон тот город правит». То есть город живет сам по себе, а князь лишь «подправляет» его, но не «управляет» им. Возврат к исконному значению слова «правитель» означает осознание отсутствия в нем тоталитарных коннотаций. Хотя в отдельных реакциях правителя на конфликтные ситуации стиль должен быть авторитарный, но он не предполагает постоянное «наполнение» своей властью всего социального пространства. Тогда как введенный в оборот Н. Макиавелли термин «*stato*» отражает понимание государства как субъекта власти, определяющего в целом «состояние» общественной жизни. Современное государство уже не «правит общество», в котором народ в *именительном* падеже, а «управляет обществом» — для характеристики бытия народа используется *творительный* падеж. Точно также, если основная функция государства и закона уже не охранительная, а регулятивная, то и положение государства в обществе становится «регулярным».

Мыслители эпохи Просвещения обосновывали ограниченные формы правления и стремились разграничить сферы государства и гражданского общества. Но дуализм «гражданское общество — государство» ничуть не угрожает широкому представительству государства в общественной жизни. Важно то, что выделяются только государство и индивид, в результате чего последний попадает в «объятия» первого. Парадокс в том, что определение государством четкой границы, отделяющей его от индивида, одновременно означает, что государство обеспечило для себя постоянное присутствие рядом с этим индивидом. В конце концов, трудно отрицать, что, несмотря на закрепление в конституционных актах принципов гражданского общества, прав и свобод человека и гражданина, разделения властей и т.д., в последние два-три столетия шел беспрерывный

процесс этатизации общественной жизни.

Наблюдая и обобщая эти явления, современные исследователи все чаще говорят о необходимости выделения двух видов тоталитаризма — во-первых, открытых и кратковременных тоталитарных режимов, установившихся в период ускоренной и вынужденной модернизации в странах «догоняющего» типа; и, во-вторых, — более фундаментальных и долговременных систем «мягкого» (либерального, «бархатного») тоталитаризма. Ставится вопрос: «Имеет ли тоталитаризм как бесспорный продукт современной эпохи, связанный в своем практическом осуществлении с технбюрократической рациональностью индустриальных обществ, еще и определенное родство с другими современными политическими формами»? И А. де Бенуа дает такое общее определение тоталитаризма: «Дело в выстраивании всего общества по единой модели, считающейся самой лучшей. Это, в сущности, жажда Однородности, стремление свести к единому все человеческое разнообразие, всю сложность социального организма, которое толкает эти режимы к тому, чтобы исключить любой уход в сторону, любое отклонение, любую множественность. Определяя это стремление к унификации, можно было бы говорить об идеологии Однородности и проследить ее генеалогию» [1].

Для иллюстрации тезиса о двух разновидностях тоталитаризма можно сравнить формы и масштабы проявления такого общего признака тоталитарного режима, как манипуляция сознанием основной части общества. Свобода информации не является самоцелью, а проявляется в возможности человека формировать в сознании объективное, а значит, многообразное и широкое представление об окружающем мире. В СССР, в котором искренне и всерьез были восприняты возвышенные идеалы Просвещения, государственная

система образования и пропаганды стремилась сформировать соответствующий коммунистической идеологии, но при этом широкий кругозор мировоззрения советского человека. Такая установка оказалась опасной для тоталитарного государства, так как образованный и критичный ум советского человека стал замечать проявления тоталитаризма внутри самого советского общества.

В развитых демократиях Запада уже в конце XIX в. начался процесс отказа от возвышенных идеалов Просвещения, и стала реализовываться политика формирования общества массового потребления с соответствующим механизмом упрощения сознания людей. То есть в рамках «бархатного» варианта тоталитаризма цель манипуляции человеком и обществом достигалась в направлении формирования, по выражению Г. Маркузе, «одномерного человека» с предельно узким кругозором мировоззрения основной части населения. Исследователь общества постмодерна К. Харт предостерегает: «Мы, как заложники, устроились вполне комфортно: хорошо питаемся, спим на мягких постелях и не подвергаемся пыткам» [25. — С. 97]. Ж. Бодрийяр считает, что это «общество обучения потреблению, дрессировки в потреблении, то есть новый и специфический способ социализации» [6. — С. 111].

Среди гуманитариев давно уже не считается проявлением «научного экстремизма» указывать на манипуляционный характер современной демократии. Так, Е.П. Доценко пишет: «Главной ценностью в большинстве видов общественной практики и повседневной жизни является борьба — стремление получить односторонний выигрыш, как правило, в ущерб противоположной стороне. Данное противоречие успешно затушевывается применением скрытых методов борьбы, следовательно, и нарушения прав человека, таких, как вмешательство в процесс личност-

ного развития, в процессы принятия решений. Демократическое государство в том виде, как оно сложилось в большинстве развитых стран, больше тяготеет к манипуляции как ведущему типу межсубъектных отношений» [13. — С. 256].

Если обратить внимание на такой характерный признак тоталитаризма, как вторжение в сферу личной жизни граждан, то эти факты советского быта вызывали тяжелые переживания, так как сохранялось традиционное представление о наличии интимного пространства, которое стыдно выставлять напоказ. Но эта проблема в системах «бархатного» тоталитаризма вообще снимается размыванием границ публичного и частного, устранением в этом вопросе самого чувства стыда и даже культивированием нормальности выставления напоказ самых интимных сторон личной жизни. Это результат того, что, по словам Х. Арендт, внутри новоевропейских обществ «социуму удается поглотить как все приватное, так и все публичное» [2. — С. 90].

Эти примеры показывают, что в системах «бархатного» тоталитаризма присущие этому режиму признаки проявляются не так резко, как в открытых и кратковременных тоталитарных режимах, но зато более последовательно и глубоко. Представители советского поколения могут на личном повседневном опыте понять отличие двух указанных видов тоталитаризма. Советский тоталитаризм носил характер, образно говоря, механизма, который контролировал все ветви социального дерева, подвергал их модернизации и даже некоторые его ветви безжалостно удалял; но все же на клеточном уровне «социальное дерево» оставалось еще живым. В качестве метафоры «мягкого» тоталитаризма подходит образ радиоактивного излучения, который человек может и не замечать, но при этом ветви социального дерева умирают и мутации происходят уже на клеточном

уровне. Для признания этого необходимо иметь в виду не только открытые формы проявления государственной власти, но и возникновение в условиях постиндустриального (информационного) общества новых способов и средств «внедрения государства в тело общества» (выражение М. Фуко). Так, французский философ Ж. Делез, имея в виду не только собственно тоталитарные режимы XX в., предупреждает, что наступает эпоха общества тотального контроля [12. — С. 223], а известный австрийский теоретик «информационного антиглобализма» К. Беккер пишет о «гипергосударственном контроле как орудии политики» [3. — С. 44]. Парадоксально, но к обществу, описанному Оруэллом в антиутопии «1984», становятся значительно ближе именно современные развитые демократии.

Складывается ситуация «краха проекта модерна», и гуманитарии уже не могут не замечать результатов реализации идей Просвещения. Представители этого течения философской и социально-политической мысли не увидели бы в современном обществе воплощение высоких идеалов Истины, Добра и Красоты, а человек общества потребления оказался лишь пародией на их представления о гармонично развитом человеке. Дж. Сол выражает этот факт в эпатажно-резком названии своей известной книги. О современной демократии этот автор пишет так: «Парламенты превратились в круглые цирковые арены, и в той степени, в какой они пытаются осуществлять власть, они все больше становятся рычагом, при помощи которого на общество воздействуют различные лоббистские группы» [20. — С. 356–357]. Признание допустимости такого механизма политического влияния, как лоббизм, должно вызвать у демократически ориентированного политика и юриста вопрос о соблюдении принципа равного доступа всех граждан и социальных групп к государственной власти. Поли-

тика — это сфера борьбы, и в ней решающее значение имеет сплоченность и мобильность социальных групп, а не столько их размеры. Поэтому уровень политического влияния отдельных меньшинств может быть выше их численного представительства в населении страны, так как им в большей степени удастся обеспечивать указанную мобильность и сплоченность. Вновь повторим, что эффективным способом политической борьбы является достижение состояния обезличенности и аморфности основных социальных групп. Культивирование представлений о гражданском обществе и народе как объединении «атомизированных» индивидов и позволяет обеспечить «текучесть» и «песчаную податливость» основной части общества. Ю. Хабермас утверждает: «Эта власть, режим раздутой до ложных абсолютов субъективности превращает средство осознания и эмансипации во все тот же инструмент опредмечивания и контроля; в формах хорошо замаскированного господства этот инструмент зловеще неприкосновенен» [24. — С. 63].

Общим и фундаментальным признаком двух типов тоталитаризма (открыто-кратковременного и скрыто-долговременного), раскрывающим их общую природу, выступает антитрадиционализм, стремление превратить живое и естественное в нечто искусственное, контролируемое, манипулируемое и т.д. Разумеется, возможны и религиозные проявления тоталитаризма, но тогда речь идет о тоталитарных сектах, а не о традиционных религиозных конфессиях. Так, политическая составляющая ортодоксального христианства основана на принципе «Воздадите Кесарево Кесареви, а Божие Боговоу». Можно сформулировать общую закономерность: разделение и сосуществование двух властей — духовной и государственной — гарантия от излишней этатизации общественной жизни, а смешение этих властей, как известно,

является признаком тоталитарного государства. Традиционное представление о сферах социального бытия предполагало различие (в православной терминологии) «трех дел» — церкви, государства и земли (земства). Замена в идеологии Просвещения этой триады на дуализм «гражданское общество — государство», как указывалось выше, не является препятствием к внедрению государства в общество. Идеологическим условием этатизации общественной жизни явился перенос фундаментального вопроса о соотношении светской (государственной) и церковной (духовной) властей в плоскость организации самого государства с выделением трех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), тем самым независимая от государства духовно-интеллектуальная власть оказалась где-то на обочине социального бытия. Суррогатом духовенства стали идеологи, эксперты и политтехнологи.

Выше было приведено суждение Н. Бердяева, в котором он сравнивает революционеров, как носителей общечеловеческой идеологии, с раскольниками XVII в., то есть с сектантами. В настоящее время становится очевидным, что по сравнению с развитыми религиозными традициями идеология космополитичного либерализма представляется особой, специфичной формой сектантства. Этот тезис звучит слишком категорично, но он сделан на фоне раскручивающегося маховика разрушения традиционных ценностей и институтов. Укажем на утверждение А. Бенуа о том, что общей целью любого тоталитарного режима является установление гомогенного социального пространства, что, как известно, является одним из признаков сектантских объединений. Стремление к унификации и превращению общества в податливый «песок», состоящий из «социальных песчинок», не знает преград и проявляется в попытках стереть даже половые и возрастные

различия. Так, архетипичным является представление о старости как состоянии одухотворенного покоя и мудрости. Но это входит в противоречие с экономическим принципом непрерывного и неустанного потребления. Поэтому культивируется в качестве универсального «подростковый» стиль поведения. Ставится под сомнение даже значимость половых различий, таких архетипических понятий, как мать и отец. Вся эта политика начинает походить на стремление погрузить все человечество в некую сектантско-языческую всепланетарную оргию.

Классическая секта стремится отгородиться от окружающего мира, но сектантский дух либерального космополитизма проявляется в иной и более эффективной форме противопоставления всему традиционному. В 1976 г. П. Фейерабенд сетовал, что эту особую форму «нетерпимости либерализма почти никто не замечает» [22. — С. 20], но в настоящее время тоталитарно-унифицирующий дух либерализма трудно отрицать. Внешний плюрализм этой идеологии не должен вводить в заблуждение. Используя выражение В.С. Швырева, можно говорить о тонком и скрытом монизме либеральной идеологии: «Монологическое сознание в своих более тонких формах может быть готово к открытому диалогу, но для него такая открытость выступает лишь как средство поглощения, снятия других точек зрения» [26. — С. 148].

Выходом из кризиса современного государства может быть только поиск новых принципов социальной и политической жизни; и можно не сомневаться в том, что обнаружится возврат, разумеется, в иных условиях и формах, к традиционным алгоритмам взаимодействия общества и государства. Убежденные «прогрессисты» говорят о невозможности повернуть историю вспять и остроумно замечают — «Из яичницы яйца не сделать». Но в этом утверждении проявляется статически-механистическое восприятие обще-

ственной жизни. В действительности современная цивилизация, массовая культура, общество потребления осуществляют непрерывный процесс «разбивания яиц» и превращения их в «яичницу», и существует опасение, что какие-то «яйца» естественно созреют и из них вылупятся «птенцы», тем самым показав возможность принципиально иного пути развития. Проекты модерна и постмодерна для России и других стран с установкой, что развитие обязательно предполагает разрушение традиционных ценностей и институтов, оказываются тупиковыми. Наблюдаемое в настоящее время геополитическое и информационное давление на Россию и объясняется тем фактом, что она официально заявила об отказе от идеологического патронажа Запада и провозгласила принципиальную ориентацию на сохранение традиционных ценностей [17]. Появляется надежда, что на международной арене Россия станет носительницей не заимствованной идеологии, а аутентичной ее истории и цивилизационному облику идеи.

Поводя итог, укажем, что история показывает, что одним из симптомов кризиса цивилизации выступает разрушение первичных ячеек социума (семья, община, муниципии) и несоответствие институтов общества в целом (экономических, политических, мировоззренческих) традиционным первоосновам общественной жизни. Современная Западная цивилизация уникальна, так как характеризуется значительной секуляризацией и эмансипацией общественной жизни с соответствующим и продолжающимся до сих пор разрушением традиционных ценностей и институтов. Но несколько столетий существования этой цивилизации и ее нынешнее состояние не дают оснований считать, что и в развитии этого типа общества не проявится общая закономерность. В 1989 г. Ден Сяопин отказался подвести итоги Великой французской революции конца XVIII в., указав, что прошло слишком мало времени.

Литература

1. Ален де Бенуа. О тоталитаризме. — URL: <http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/totalitarism> (дата обращения: 24.03.2018).
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000.
3. Беккер К. Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль — М.: Ультра. Культура, 2004.
4. Бердяев Н. Новое средневековье. — М., 1991. С. 42.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — СПб.: Азбука, 2016.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. — М.: Республика, 2006.
7. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
8. Брюкнер П. Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.
9. Бурдые П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993.
10. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
12. Делез Ж. Переговоры (1972–1990). — СПб.: Наука, 2004.
13. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — СПб.: Речь, 2003.
14. Зиновьев А. Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия. — М.: АСТ, 2011.
15. Марсель Г. Быть или иметь. Новочеркасск, «Сагуна», 1994. С.145.
16. Новости Русспрес — «Мыслитель» Грэф онароде». — URL: <http://rospress.org/finance/10674/> (дата обращения: 24.03.2018).
17. Послание Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 24.03.2018).
18. Рассел Б. История западной философии. — М.: Мир, 2004.
19. Сен М. Развитие как свобода. — М.: Новое изд-во, 2004.
20. Сол Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. — М.: АСТ: Астрель, 2007.
21. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
22. Фейрабенд П. Против метода: Очерк анархистской теории познания. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
23. Фуко. М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad marginem, 1999.
24. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М.: Весь мир, 2003.
25. Харт К. Постмодернизм. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
26. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиции и современность. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.
27. Юнг К. Аффект цивилизации / Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.